

ТАБЕЛ

0.6.

СОВЕТСКАЯ КУЛЬТУРА

1986, 24 июня

ХУДОЖНИК И ВРЕМЯ

БЕСЕДЫ О МАСТЕРСТВЕ

ТАМАРА СИНЯВСКАЯ в зените славы. Наполнен обширный оперный и камерный репертуар, завоевано признание таланта в нашей стране и далеко за ее пределами. Кстати, мне кажется симпатичным, что в рассказах о своей творческой деятельности в отличие от многих коллег артистка не козыряет откликами прессы.

— Каждому приятно, — говорит она, — хорошие отзывы прессы. Но у меня совершенно твердая позиция: самый строгий и самый придирчивый рецензент — я сама. Исполню что-то и мысленно прокручиваю, как пленку, — пронесло себя. Это очень важно, по-моему, — оценивать себя, как бы со стороны, говорить с самим собой по душам. И не только о творчестве, но и о жизни, поступках. Если есть у тебя дорожка к собственному сердцу, если ты можешь очиститься от наносного, наславляющегося годами, поставить себе внутреннюю или двойную задачу, чувствительна и добр к чужим боли и раны. А доброта — самое главное чувство в каждом человеке. Сегодня именно она программирует судьбы людей. Тот, кто не сумел ее обрести, становится «чужаком», непробиваемым равнодушным, самодовольным — опаснейшим для человечества болезнью. И уж если говорить о творчестве, то заблуждение это достаточно широко распространено среди деятелей искусства, в чем немалая вина и вас, журналистов, критиков. Один журналист опубликовал в популярном журнале материал обо мне, описывая мою творческую жизнь. Словесный абзац был посвящен оперной партии на сцене Большого — Паиз в «Риголетто» Верди. Многие было сказано по поводу дебюта — о безукоризненной интонации, о прекрасном голосе, о неподдельном артистическом обаянии; благодаря таким достоинствам, резюмировал автор, молодая певица сразу сумела расположить к себе публику и критику. Все бы нормально, если бы не «пустынная» деталь — партия Паиза состоит... из одной-единственной фразы... С тех пор, скажете по совести, несколько опасаться журналистской брани.

— Это в чем-то сродни крикунам, которые на концертах и спектаклях несутся вперед, как бранен без всякого повода, даже когда их кумир предстает перед зрителями и слушателями далеко не в лучшем виде. А вообще, если всерьез, что больше помогает художнику в его творческом росте — восторги или честный разговор о недостатках?

— На этот вопрос не ответить однозначно: Наверное, и то, и другое, потому что, когда тебя замечают, когда ты получаешь положительную оценку и знаешь — справедливую, это тебя открывает, придает уверенности в своих возможностях. Когда критикуешь, причем обязательно добро (глубокий анализ, незаслуженный упрек могут вызвать творческую инициативу, художника — даже в такой «уязвимой» критические замечания, несомненно, приносят боль, их тяжело выслушивать, но они заставляют проанализировать свой труд и сделать все, чтобы «опорочиться» с самим собой.

Интересно, а как относятся артисты труппы к оценке своей иной новой работы в спектакле или концертной программе?

— К сожалению, в этом плане далеко не все радует: специфическая театральная атмосфера, когда отношения строятся не на открытости чувств, а на боязни найти в твоём лице опасного соперника, все усложняет и обостряет. Роль идет не о соперничестве, а наплевательски. Могут сказать с чистым сердцем, не пытаясь представить себя лучше или благороднее других; что мне подобная «игра» глубоко чужда. Мне интересно все, что делают коллеги: стараюсь бывать на репетициях, спектаклях, концертах, радуюсь удачам и огорчениям, если что-то не получается. Хотелось бы и самой встречать подобное со стороны коллег, а то ведь чаще всего в глаза хвалят, а за глаза ругают. Правда, иногда находится «смельчак» — говорит открыто, делают даже справедливые замечания, но преподносит в такой форме, что хоть и похвалит, а по сути — унижает, унижает твои слова. Как все это не выветрится с сегодняшним днем, с взаимоотношениями людей, построенными на уважении, товарищеской помощи в решении общих трудовых задач коллективов. Это ведь не громкие фразы и лозунги, а сама жизнь! Театр всегда был, есть и будет на все времена коллективом и товариществом. И как только в труппе кто-то начинает думать о своём успехе, чувствовать себя главным, ведущим, многосложный театральный «механизм» разваливается на части, и собрать его куда как сложнее!

— Сейчас такая проблема, очевидно, стоит у нас особенно остро? Я вообще не представляю себе, как может работать труппа Большого без двух главных «действующих лиц» — глав-

Тамара Синявская, народная артистка СССР

Друзья или соперники?

Признаться, мы, журналисты, редко вспоминаем слово «труд», когда говорим о творческой жизни деятелей искусства. Все, что угодно, в немшем лексиконе — «адаптация», «адаптация», «адаптация», «адаптация» и еще несколько подобных слов, но «труд» почему-то остается за скобками. И только когда возникает необходимость в долгой беседе с кем-то из ведущих художников, понимаешь, как упущено из виду, рассчитанное по минутам на неделю и месяцы вперед, на каких перегрузках протекает их жизнь.

Так получилось с Тамарой Ильиничной Синявской. Долго мы не могли «встретиться»: гастроли — Япония, Франция, ФРГ, Италия, Испания; длительные поездки с солидными программами, выступления с оркестрами, участие в спектаклях на разных сценах мира. И все это вперемешку с основным — Большой театр, концертный зал, запись на радио, телевидение, фирме «Мелодия». А если еще добавить важнейшую общественную миссию депутата Верховного Совета СССР, легко представить себе напряженность трудового режима Т. Синявской.

ного дирижера и главного режиссера. Сколько может длиться такое положение?

— Да уж! Обстановка у нас далеко не из приятных и активизирующих творчества! Все мы понимаем, что это временные трудности, каждый терпит себя надеждой на быстрейшую нормализацию положения, когда труппу возглавит лидер — человек авторитетный, уважаемый, с которым станут считаться все члены коллектива, все заинтересованы от знаний и регал. Так было в Большом всегда в лучшие годы его существования. Министерство культуры, верится, в полной мере осознает серьезность проблемы, трудности создавшегося положения и необходимость скорейшего принятия кардинальных мер. Хотя обычно решение даже весьма важных вопросов здесь почему-то растягивается на многие годы. Так получается, к примеру, с фильмом Большого театра. Сколько лет шли горячие дебаты, наконец, добился согласия — необходим фильм. Больше, ничего с места не сдвинулось, хотя получили эту площадку, многое можно было бы изменить в лучшую сторону: активнее развлекаться бы творческая жизнь коллектива, привнесла бы возможность более регулярных и частых входов в спектакли молодых исполнителей, работы над новым репертуаром, творческого риска, эксперимента. Кроме того, ряд спектаклей более камерного плана буквально «протиски» на сцену филмала: ведь в Кремлевском Дворце съездов просто нельзя показывать и слушать оперы. С болью в сердце воспринимала я весть о том, что «Травата», «Риголетто», «Евгения Онегина» будут еще перенесены в ЦИЗ, и я скорбю думаю, что ждет их в результате такой операции. Наверное, и Министерству культуры следует обратить мой вопрос.

— Тамара Ильинична, хотелось бы вообще услышать ваше мнение о состоянии и развитии оперного искусства — проблемы, широко дискутируемые в прессе. Действительно ли падает престиж жанра? Действительно ли в наши дни в постановке классики надо искать новые формы и методы преподавания ее зрителям? Доступны ли жанру темы сегодняшней жизни?

— Прежде всего о престиже оперы. Очень много рассуждают о пустующих залах, об упадке интереса к классике, о том, что не привлекает слушателей внимание и симпатии современных оперным спектаклям. К счастью, ничего этого я на себе не испытала: не выступала в полупустых залах, не ощущала недостатка в заинтересованной публике. И очень бы хотела никогда такого не испытывать!

Должна сказать, что к хорошим оперным постановкам с участием сильных солистов всюду относятся с интересом и уважением. Так что первое и главное условие благополучия жанра, полисферной жизни оперных произведений и оперных спектаклей — их художественная полноценность. Сейчас за рубежом заметно повы-

сился интерес и русской классической опере. Едва ли не на всех крупнейших сценах мира идут сочинения наших великих композиторов.

Только что я вернулась из ФРГ, где пела в «Пиковой даме» Чайковского на сцене Мюнхенской оперы (спектакль советской постановочной группы). Успех был огромный, бурный. И я еще раз убедилась, как любят здесь русскую музыку, как стремятся попасть на спектакли и концерты советских артистов, особенно тех, которые уже завоевали в этой стране признание, получили известность. Их с большой охотой приглашают импресарио, они получают очень лестные отзывы печати. Я всегда испытываю чувство гордости за своих коллег, когда слышу в каком-нибудь из зарубежных театров или залов об успехах моих соотечественников — деятелей искусств. Полезно ли ограничивать творческие возможности талантливого человека, говорящего своим искусством с людьми о доброте и благородстве, стремиться укрепить дружеские контакты между народами, работать на мир, на пропаганду наших принципов, идеалов — достойного полномочного представителя Советской страны? Почему зарубежные поездки некоторые артисты рассматривают как статью дохода артиста или в лучшем случае личный выкуп? И разве всего этого можно, что в гастрольных выступлениях за рубежом артисту передо приходится выдерживать серьезнейшие идеальные сражения, ибо не только почитатели своего таланта встречают они среди слушателей, но и недоброжелатели, противники нашего мироустройства, образа жизни, открытого врагов. Почему? Снова обращаю я вопрос и тем, кто организует и планирует наши выезды. Тот факт, что ведущих советских певцов непрерывно знают и любят за рубежом, ходят на их концерты и спектакли, нередко съезжались в город, где они проходят, из разных уголков страны, почетен не только для данного исполнителя. Он безразличен и для коллектива, где артист трудится, для его воспитателей, руководителей учреждений культуры, для соотечественников, от лица которых он представляет искусство.

— Тамара Ильинична, хотелось бы вам напомнить и «Пиковой даме» на сцене Мюнхенской оперы, и для испанских, французских гастролей в репертуаре было так много классики. Значит, несмотря на утверждения некоторых скептиков интерес к классике не угас?

— Конечно, нет. Классика не умирает и не умрет ни в ближайшем, сто, ни в ближайшем десятилетии. Это абсолютно точно. И она совсем не нуждается в искусственном оживлении, в «инъекциях» в виде современных оркестров, режиссерских изысков в духе нынешней эпохи, в поисках сверхреволюционной сценической графичности. Напротив, как древние росписи или полотна старых мастеров реставраторы тщательно очищают от наслоений, доделок, переделок

и стремятся представить зрителям художественное произведение в его первоначальной красоте, так и классическую оперную музыку необходимо сохранять именно в чистом виде. А современное звучание ей придают тот дирижер, тот постановщик, сценарист, исполнитель, которые сегоднешними глазами, в «адаптуре» нашей эпохи, нынешнего мироустройства прочтут события, образы, музыку великих предшественников.

— Мы с вами пока говорили об оперных проблемах. Но ведь не меньшее место занимает в вашей творческой деятельности камерное исполнительство.

— Я ощущаю, что интерес к камерной музыке за последние время значительно возрос. Где бы я ни выступала — в Москве, Ленинграде, Минске, в любом городе страны, за рубежом, всюду чувствовалась горячая заинтересованность, горячий прием. И чем чаще я исполняю сольные программы, тем тверже убеждаюсь, как важно правильно выстраивать репертуар, учитывать особенности камерного пения. Ведь задачи вокалиста в концертном зале совсем иные, чем в оперном спектакле, и совсем иной подход. В опере все немного утрировано — преувеличено — эмоциональный напор, жест, динамика. Поэтому в идеале желательно не включать в концерты оперные арии Глинка, Мусоргского и другие, исполняемые в сопровождении симфонического оркестра и требующие большого динамического накала: когда они звучат рядом с романсами, с песнями, складывается ощущение некоего дисбаланса, как, предположим, на полотнах Пестерова стали бы вдруг наносить арбузные краски, штрихи.

— А как вы, певца академического плана, относитесь к песне, в частности к советской песне?

— Да, я очень люблю песню, хорошие песни. У нас их немало — сочинения Пахмутовой, Хренникова, Блантера, Молчанова (я упоминаю тех авторов, чьи сочинения звучат в моих программах), и к ним надо относиться с определенной серьезностью и предельной требовательностью. Признаться, когда поет хороший астральный поэт с настоящим голосом, поет в благородной манере, прерывая произведение и исповедь-монолог поэта — композитор — артист, и делает эту песню шедевром, я решительно не предпочитаю его выступление среднейя песни в интерпретации среднего оперного певца, занимающегося невысоким случаем «вукализацией». И начинаешь думать, что не каждый артист имеет право на исполнение песенного репертуара, но нередко иные мастера оперы громким голосом «хоронят» замечательные песенные шедевры. Так что петь на страде ничуть не легче, чем в опере, потому что такую песню «девать» исполнителю, певцу. От его интерпретации и мастерства зависит судьба песни. Можно поить композиторов, которые тщательно выбирают первых интерпретаторов своих сочинений.

Серьезность в обращении с песней — одно из условий исполнительского успеха. И еще одно очень важное обстоятельство, касающееся только песен, но в вообще вокального исполнительства, — точное ощущение артистом собственных возможностей, особенностей творческой индивидуальности при выборе репертуара или абсолютная вера в возможность и авторитетность суждений дирижера, концертмейстера, которые становятся добрыми советчиками и помощниками.

Мне в этом плане повезло: работа с концертмейстером Лией Молчановской, когда достигнутое полное взаимопонимание, доверие и взаимная помощь друг друга творческие заряды, художественные, эмоциональные импульсы. Мне повсчастливилось в последние годы камерно-концертную довольно длительный период с выдающимся дирижером Евгением Светлановым, который буквально заражал, захватывал, убеждал своим «открытиям» хорошо известную музыку, заставлял по-новому ее услышать и порой удивлять новыми глазами портреты своих героев. Богатым духовный мир обрела я и в творческом общении с ансамблем «Виртуозы Москвы» и его руководителем — тонким, удивительно чутким музыкантом Владимиром Синявским. Пока это еще не странами нашего соотечественника, но и они уже сулят вперед много удивительного и непременно нового. А искусство не терпит застоя, не терпит повторений, остановок. Постоянное поступательное движение, обновление в унисон с событиями окружающей действительности — вот стимулы творческого поиска. Поэтому что искусство — формула жизни.

Беседа с

М. ИГНАТЬЕВА.

Фото Л. Владимиров.

